

МОРФОСИНТАКСИС ПАДЕЖА И СТРУКТУРА ИМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ*

О. И. Беляев

МГУ имени М. В. Ломоносова,

Институт языкознания РАН,

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

В статье рассматривается проблема определения падежа как морфологической категории. С одной стороны, традиционное представление о падеже как аффиксальном показателе именной зависимости сталкивается с той проблемой, что единообразно определить понятия *слово* или *аффикс* в типологической перспективе невозможно. С другой стороны, даже если принять традиционное представление о падеже, морфосинтаксическое поведение показателей данной категории весьма неоднородно: достаточно указать на явление т.н. групповой флексии. В статье предпринимается попытка предложить альтернативное определение падежа, основанное на структуре парадигмы. На типологической выборке из 107 языков показано, что падежный статус в этом понимании надёжно коррелирует с отсутствием групповой флексии; кроме того, падежное согласование внутри именной группы встречается только в системах с морфологическим падежом.

Ключевые слова: типология, морфология, падеж, сочинение, согласование.

* Статья написана по материалам докладов на Шестой конференции-школе «Проблемы языка: взгляд молодых учёных» (Институт языкознания РАН, 13 марта 2018 г.) и на конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2018» (Институт языкознания РАН и ГИРЯ имени А. С. Пушкина, 22 октября 2018 г.). Я благодарен участникам этих конференций, в особенности П. М. Аркадьеву, Ю. А. Ландеру, Е. А. Лютиковой, И. Сержанту, Н. М. Стойновой за ценные замечания. Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 18-18-00462.

MORPHOSYNTAX OF CASE AND THE STRUCTURE OF THE NOMINAL PARADIGM*

Oleg Belyaev

Lomonosov Moscow State University,

Institute of Linguistics RAS,

Pushkin State Institute for the Russian Language

In the article I discuss the definition of case as a morphological category. On the one hand, the traditional notion of case as an affixal marker of nominal dependency is problematic due to the cross-linguistic vagueness of such notions as *word* or *affix*. On the other hand, even if the traditional definition is assumed to be correct, the morphosyntactic behaviour of case markers is quite heterogeneous: some case affixes are bound at word level, some can scope over phrases in patterns like suspended affixation. This article is an attempt at an alternative definition of case based on paradigm structure. On a sample of 107 languages I show that case status in my understanding robustly correlates with lack of suspended affixation. Furthermore, NP-internal case concord is only found in systems with morphological case.

Keywords: typology, morphology, case, coordination, agreement

* The study has been supported by Russian Scientific Foundation (RSF), project #18-18-00462.

1. Введение

В морфологической типологии ключевым признаком категории падежа принято считать его аффиксальное выражение на именной вершине: ср. определения в (1) и (2).

- (1) “Case is a system of marking dependent nouns for the type of relationship they bear to their heads.” [Blake 2004: 2]
- (2) «... падежные граммы ... оформляют управляемое существительное и являются показателями его синтаксически зависимого статуса ...» [Плунгян 2011: 156]

Эти два определения немногим отличаются друг от друга, и в соответствии с ними основным признаком падежа, отличающим его от других показателей именной зависимости (таких, как предлоги и послелоги), является именно его статус как категории *существительной*, то есть именной словоформы, а не именной группы.

В действительности, однако, довольно часто элементы, которые следовало бы считать падежами по их морфологическим свойствам (отделимость, переместимость, наличие нерегулярных форм и т.д.), всё же демонстрируют свойства, характерные для маркирования не словоформ, а целых именных групп. Наиболее ярким свойством такого рода является т. н. групповая флексия, ср. (3), где падежный аффикс используется только на крайне правом конъюкте в сочинительной конструкции.

- (3) турецкий (тюркские > алтайские)
 [Almanya ve Amerika]-dan
 Германия и Америка-ABL
 ‘из Германии и (из) Америки’

Аналогичные проблемы возникают также с согласуемым падежом на прилагательных и других зависимых существительного, так что некоторые авторы даже постулируют для такого падежа отдельную грамматическую категорию [Мельчук 1998] или с так называемым двойным падежом (Suffixaufnahme), при котором внешний падеж на существительном маркирует зависимый статус не самого этого существительного, а именной группы, в которую оно входит [Plank 1995].

Поэтому на практике практически во всех грамматических описаниях в качестве основного критерия классификации показателя как падежного или послеложного является его линейно-синтагматический статус как аффикса или клитики в соответствии с такими критериями, как, например, в известной работе [Zwicky, Pullum 1983].

Таким образом, получается, что падеж отличается от послелога только своим аффиксальным статусом. Такое положение дел несколько странно: падеж оказывается единственной грамматической категорией, в чьё определение явно или неявно входит морфосинтаксический статус. Такие категории, как, например, время, согласование и число, определяются независимо от способа их выражения. Кроме того, с типологической точки зрения само понятие *слово* и связанные с ним понятия проблематичны [Haspelmath 2011]. Существует немало «падежных» систем, которые проблематичны для описания даже в рамках традиционных представлений о слове: уже упоминавшаяся выше групповая флексия; различная реализация падежных значений в зависимости от статуса лексемы (например, выражение падежа как основы у местоимений в венгерском: *ember-nek* ‘человеку’ vs. *nek-em* ‘мне’ [Spencer 2008]); двухуровневые падежные системы [Беляев 2014; Курицына 2017; Carling 2012]; конкуренция синтетических и аналитических форм в рамках одной парадигмы, как, например, в тундровом ненецком [Salminen 1997].

Все эти явления ставят под вопрос типологическую осмысленность категории падежа. В том числе и поэтому М. Гапсельмат предложил отказаться от использования неоднозначного термина *падеж* в пользу сравнительной категории *флаг*, обозначающей любой показатель зависимостного маркирования актантов [Haspelmath 2009]. Однако, на мой взгляд, было бы неправильно полностью отказываться от традиционного представления о падеже только в силу его неопределённости. Теоретические исследования по морфологии показали, что словоизменительные парадигмы в языках мира могут быть устроены весьма интересным образом, и именно в рамках парадигмы проявляются наиболее важные морфологические свойства категорий. В таких работах, как [Аркадьев 2006; Arkadiev 2009] показано, что падежные системы с небольшим числом показателей могут быть устроены интереснее, чем более «богатые», но и более регулярные парадигмы.

В связи с этим достаточно естественной кажется идея об ином подходе как к категории падежа, так и к морфологической типологии в целом.

От традиционных критериев противопоставления аффиксов, клитик и словоформ следует отказаться как от слишком ненадёжных в типологической перспективе. Вместо этого определять морфологические категории следует исходя из структуры парадигмы. В самом общем виде основной принцип такого подхода можно сформулировать следующим образом: морфологический статус имеют лишь категории, выражение которых не может однозначно быть идентифицировано в виде конкретной фонологической формы.

Похожие взгляды на падеж высказывались рядом исследователей, прежде всего Р. Бэрдом [Beard 1995] и продолжателями его идей Э. Спенсером и Р. Отогуро [Spencer 2009; Spencer, Otaguro 2005]. В настоящей работе, отталкиваясь от идей этих исследователей, я предприму попытку типологизировать «парадигматический» взгляд на морфологию и на примере категории падежа проверить, наблюдаются ли какие-либо значимые корреляции между падежным статусом показателя и его морфосинтаксическим поведением.

2. К определению морфологической падежной системы

Основная идея подхода Р. Бэрда, Э. Спенсера и Р. Отогуро состоит в том, что *морфологическим падежом* (m-case) они предлагают считать только такую систему зависимостного маркирования, которая требует апелляции к признаку падежа независимо от конкретных морфологических реализаций. В формулировке Р. Отогуро: “Beard’s claim is to prohibit the grammar from postulating case features unless it is generalised over distinct forms as a part of inflectional properties.” [Otaguro 2006: 5]

Данный принцип можно проиллюстрировать на следующих примерах. Допустим, что основной функцией морфологии является установление соответствия между некоторым множеством форм (планом выражения) и некоторым множеством функций (планом содержания: семантическими ролями, синтаксическими отношениями и т.д.). Тогда фрагмент такого соответствия для русского языка будет выглядеть так, как показано на рисунке 1.

Из рисунка 1 очевидно, что при описании русского языка необходим именно морфологический признак падежа, так как установить прямое соответствие между какой-то конкретной фонологической формой аффикса и его функцией не представляется возможным. Так, показатель *-а* может обозначать как именительный падеж, так и родительный в зависимости от сочетания словоизменительного класса лексемы и категории числа словоформы. Падежные признаки в русском языке необходимы как классы эквивалентности между функциями и показателями.

<i>Stem</i>	<i>Affix</i>	<i>Category</i>	<i>Function</i>
Class 4	-∅	NOM	Subject
Class 1	-a		Object
Gen II	-u	GEN	Quan. Object
Classes 2-3	-i		Partitivity
Class 4 (Pl)	-ov		Possessivity
Class 4 (Pl)	-ej		Punctuality
Fem. Adj.	-oj	INS	Possession

Рисунок 1.

Соответствие между падежными аффиксами и их функциями в русском языке [Otoguro 2006]

Совершенно иную картину можно видеть на рис. 2 для башкирского языка.

<i>Affix</i>	<i>Category</i>	<i>Function</i>
-QYŋ	GEN	Partitivity
-∅	NOM	Material
		Possession
		Subject
		Object
		Goal
-NY	ACC	Punctuality

Рисунок 2. Соответствие между падежными аффиксами и их функциями в башкирском языке [Otoguro 2006]

Здесь каждому аффиксу соответствует ровно одна функция или круг функций. Таким образом, признак падежа избыточен — можно напрямую построить соответствие между показателями и их кругом употреблений (рис. 3).

<i>Affix</i>	<i>Function</i>
-QYŋ	Partitivity
	Material
	Possession
-∅	Subject
	Object
	Goal
-NY	Punctuality

Рисунок 3. Соответствие для башкирского языка без падежных граммем [Otoguro 2006]

Следовательно, подобные падежные показатели по своей роли в грамматике ничем принципиально не отличаются от предлогов или послелогов, за исключением своего аффиксального статуса. По мысли Бэрда, Спенсера и Отогуро, системы, подобные башкирской, нельзя называть морфологическими падежными системами. Последний ярлык должен быть за системами, демонстрирующими сложное взаимоотношение между формой и функцией, как во флективных индоевропейских языках.

3. Типология

Приведённая в предыдущем разделе аргументация носит исключительно теоретический характер. Она исходит из того, что рассматриваемые категории являются заведомо морфологическими; далее проводится более подробная классификация, и только часть из них признаётся «настоящими» падежными категориями.

Напрямую к типологии применить такой подход сложно, потому что, как указывалось выше, при рассмотрении сколько-нибудь большой выборки невозможно провести стабильную границу между морфологией и синтаксисом на основании традиционных критериев. Даже если бы это было возможно, категория «аффиксы» всё равно оказывается весьма неоднородной по своим свойствам. Поэтому основывать на столь зыбком фундаменте следующий уровень классификации не представляется возможным.

В настоящей статье я предлагаю вместо этого перевернуть аргументацию Э. Спенсера и Р. Отогуро «с ног на голову» и, напротив, взять критерий Бирда как отправную точку для определения морфологического статуса элемента. Для этого сначала нужно сформулировать этот критерий так, чтобы он был однозначно применим к любому языку в типологической выборке; иначе говоря, определить его как *сравнительную категорию* (comparative concept) по М. Гаспельмату [Haspelmath 2010]. После этого можно проверить, обнаруживает ли морфологический статус падежной системы корреляцию с какими-либо другими морфосинтаксическими явлениями. Если подобные корреляции обнаружатся, то сравнительную категорию можно признать имеющей как теоретическую, так и типологическую ценность.

В качестве подобных коррелирующих признаков я предлагаю взять морфосинтаксические явления, в наибольшей степени характерные, с одной стороны, для падежей, с другой стороны, для предлогов и послелогов. В-первых, я предполагаю, что статус категории как морфологического падежа

(т.е. её соответствие критерию Бэрда) исключает возможность групповой флексии; иными словами, имеет место имплицативная универсалия в (4): «если показатели категории могут оформлять группы, то данная категория не удовлетворяет критерию Бэрда».

(4) GROUP \rightarrow \neg BEARD

Во-вторых, я предполагаю, что согласование по падежу в рамках именной группы, напротив, возможно только в системах, удовлетворяющих критерию Бэрда. Здесь я исхожу из предположения, что только морфологический признак словоформы может переноситься на другие элементы ИГ; если же он является просто некоторым морфологическим показателем, то копирование морфем (во всяком случае, обязательное) предполагается невозможным. Предполагается универсалия в (5): «если зависимые имени согласуются с ним по падежу, то данная падежная система удовлетворяет критерию Бэрда».

(5) CONCORD \rightarrow BEARD

3.1. Операционные определения

Непосредственное применение критерия Бэрда к типологической выборке требовало бы подробного морфологического анализа каждой падежной системы. Очевидно, что при сколько-нибудь широкомасштабном исследовании это невозможно, поэтому я буду исходить из более простого набора критериев, которые можно проверить на основании данных, обычно приводящихся в грамматиках. Я буду считать, что падежная система удовлетворяет критерию Бэрда, если она демонстрирует хотя бы одно из трёх следующих качеств: синкретизм, кумуляцию или лексическую вариативность падежных показателей. В следующих разделах я дам более конкретные определения этих понятий. Кроме того, будут даны определения и для понятий Group и Concord.

Прежде, чем перейти к обсуждению частных определений, сформулирую два общих принципа настоящего исследования. Во-первых, поскольку противопоставление аффиксов и клитик не имеет типологической значимости, в рассмотрение принимается любая система зависимостного маркирования именных групп элементарными показателями («флагами») первого уровня (т.е. способными присоединяться к элементам, не содержащим иных показателей именной зависимости). Так, в русском языке

в выборку попадут падежные показатели типа *-ом* в (6), а в японском — показатели типа *no*, и *ni* в (7), хотя они и не являются аффиксами [Алпатов и др. 2008]. Следует обратить внимание, что в обоих примерах имеются и другие показатели именной зависимости — предлоги в русском языке и реляционные имена типа *ue* ‘верх’ в японском. Они в выборку не попадают, т.к. присоединяются поверх показателей другой серии¹.

(6) русский (славянские > индоевропейские)

[_{PP}над [_{NP}дом-ом]]

(7) японский (японские > алтайские)

[[[[*ie*_{NP}] *no*_{KP}] *ue*_{NP}] *ni*_{KP}]

дом GEN над DAT

‘над домом’

Во-вторых, я ограничиваю рассмотрение только морфологически самостоятельными показателями [Зализняк 1967]. Это необходимо, чтобы исключить спорные случаи, такие, как статус аккузатива в языках с дифференцированным маркированием прямого объекта.

В-третьих, рассматриваются только падежные системы существительных. Это связано с тем, что статус падежных форм местоимений иногда до конца не ясен (например, родительный падеж может рассматриваться как особая притяжательная серия). Кроме того, вопрос о том, может ли набор падежей у местоимений и существительных отличаться, пока до конца не решён. Если допустить, что существительные в языках, где местоимения имеют большее число падежных форм, всегда обладают омонимией двух и более падежей, то придётся признать синкретичными весьма большое число падежных парадигм.

3.1.1. Синкретизм

В определении синкретизма я в целом следую определению из работы [Baerman, Brown, Corbett 2005], см. (8).

(8) **Синкретизм:** Если в именной падежной парадигме две и более ячейки совпадают, парадигма является синкретичной.

¹ Логически возможны системы, в которых показатели второго уровня обладают большей морфологической сложностью, чем показатели первого уровня. В реальности подобные системы мне неизвестны; во всех известных случаях элементы второго и третьего уровней, каков бы ни был их линейно-синтагматический статус, отличаются простейшей агглютинативной структурой парадигмы.

Наличия хотя бы одной синкретичной парадигмы достаточно для признания системы падежной. Однако моё понимание синкретизма при этом и шире, и уже, чем у М. Бэрмана и его соавторов. С одной стороны, указанные исследователи рассматривают только заведомо морфологические парадигмы, тогда как я включаю в выборку любые «флаги» первого уровня. С другой стороны, поскольку я не рассматриваю местоимения и морфологически несамостоятельные падежи, число синкретичных парадигм в моей выборке значительно ниже.

3.1.2. Кумуляция

Кумуляция понимается так же, как в [Bickel, Nichols 2013]:

- (9) **Кумуляция:** Если некоторая морфема кодирует более одного грамматического значения или грамматическое значение совместно с лексическим, то эта морфема является кумулятивной.

В отличие от [Baerman, Brown, Corbett 2005], Б. Бикель и Дж. Николс прямо отмечают, что кумуляция независима от формального статуса показателя (автономная словоформа, аффикс, клитика). Поэтому данные о кумуляции в моём исследовании и в исследовании Бикеля и Николс в значительной степени совпадают. К сожалению, данные грамматик не всегда позволяют отличить морфонологически мотивированную вторичную кумуляцию от подлинной кумуляции; к кумуляции я отношу любые случаи, когда падеж выражается совместно с другими категориями и при этом исходный падежный формант более не выделяется на сегментном уровне.

3.1.3. Словоизменительные типы

Под наличием словоизменительных типов понимается лексическая вариативность падежных показателей, не объясняемая фонологически на синхронном уровне. Однако я исключаю следующие два случая. Во-первых, не учитываются системы, в которых периферийных семантических падежей (например, локативные падежи) лексически вариативны при инвариантности грамматических. Такое решение принято для того, чтобы исключить маргинальные отличия в маркировании разных типов сирконстантов, например, локативных именных групп. В противном случае языком со словоизменительными классами следовало бы признать, например, французский, в котором дистрибуция локативных показателей (*a, dans, en*) с топо-

ними не всегда предсказуема фонологически. Во-вторых, как и в случае кумуляции, исключается незначительная вариативность в форме показателя при сохранении идентичности.

3.1.4. Групповое оформление

В языках с последовательно правым или левым ветвлением часто невозможно надёжно определить, присоединяется ли предлог, послелог или падеж ко всей группе или к вершине. Поэтому лучшим критерием групповой флексии является оформление сочинённых групп одним падежным показателем, как, например, в (10).

(10) нивхский (изолят)

mañdu + əs [sək p'-umgu-gu p'-ōla-gu]-*kir*
 китаец + хозяин все REFL-женщина-PL REFL-ребёнок-PL-INS

lumr + uski-γət-ɕ
 сабля + платить-DISTR/INTS/COMPL-IND

‘Хозяин китайцев **со** всеми его жёнами и детьми заплатил за сабли.’
 [Nedjalkov, Otaina 2013: 56]

Однако данные о падежном или предложном/послеложном маркировании при сочинении содержатся не во всех грамматиках. В отсутствие данных о сочинении свидетельством группового маркирования признаётся перенос падежа с вершины на зависимое именной группы, как правило, на крайний элемент (11). Сюда же я отношу случаи, в которых показатель может присоединяться вместо вершины к другим составляющим именной группы в зависимости от различных факторов, как, например, в языке куниянты (12).

(11) санума (яномамские)

[*kamakali te wasu*] -*nö* *ipa ulu a noma -so -ma*
 лихорадка 3:SG смертельный -INST мой сын 3:SG умереть -FOC -CMPL
 ‘Мой сын умер **от** смертельной лихорадки.’ [Borgman 1990: 123]

(12) куниянты (пунупские)

a. *marla doomo -ngga*
 рука сжатый -ERG
 ‘кулаком’

b. *ngooddoo -ngga garndiwiddi yoowooloo*
 тот -ERG два мужчина
 ‘**теми** двумя мужчинами’ [McGregor 1990: 277]

3.1.5. *Согласование по падежу*

Поскольку сложно отличить различные случаи «копирования» падежа от употребления двух самостоятельных именных групп, я рассматриваю только *обязательное* согласование по падежу в рамках *одной, неразрывной* именной группы.

В отличие от группового оформления, согласование по падежу — явление сравнительно редкое. Основные ареалы — Евразия (индоевропейские, нахско-дагестанские, картвельские) и Австралия. Но встречается и в других ареалах, ср. южный сьерра-мивокский язык Северной Америки (13).

(13) южный сьерра-мивокский (утийские)

pa-kal-te-m *ʔansi-nʈi-j* [*oʈi-ko-j* *pe-so-j*]
 платить-*v-1sg* сын-мой-*овj* два-*овj* доллар-*овj*

‘Я плачу моему сыну **два доллара.**’ [Callaghan 1987: 22]

3.2. **Выборка**

Выборка исследования основана на пересечении выборки по падежному синкретизму [Baerman, Brown, Corbett 2005] (и соответствующего параметра WALS [Baerman, Brown 2013]) и выборки признака WALS “Exponence of Selected Inflectional Formatives” [Bickel, Nichols 2013]. Исключены языки, по которым недостаточно надёжных данных или нет доступа к источнику; в ряде случаев вместо них добавлены близкородственные. Добавлено несколько надёжно засвидетельствованных и хорошо описанных языков. Всего выборка включает 107 языков с достаточно высоким уровнем ареального и генетического разнообразия. Географическое распределение языков в выборке представлено на рис. 4.

На рис. 4 оранжевыми точками обозначены языки, имеющие морфологический падеж, синими, — не имеющие такой категории. Как видно из карты, морфологические падежные системы имеют ярко выраженную ареальную дистрибуцию: они распространены в Северной Евразии, на Кавказе, в Индии и в Австралии. Встречаются такие системы, однако, и в других ареалах, поэтому влияние ареального фактора на результаты исследования не стоит преувеличивать.

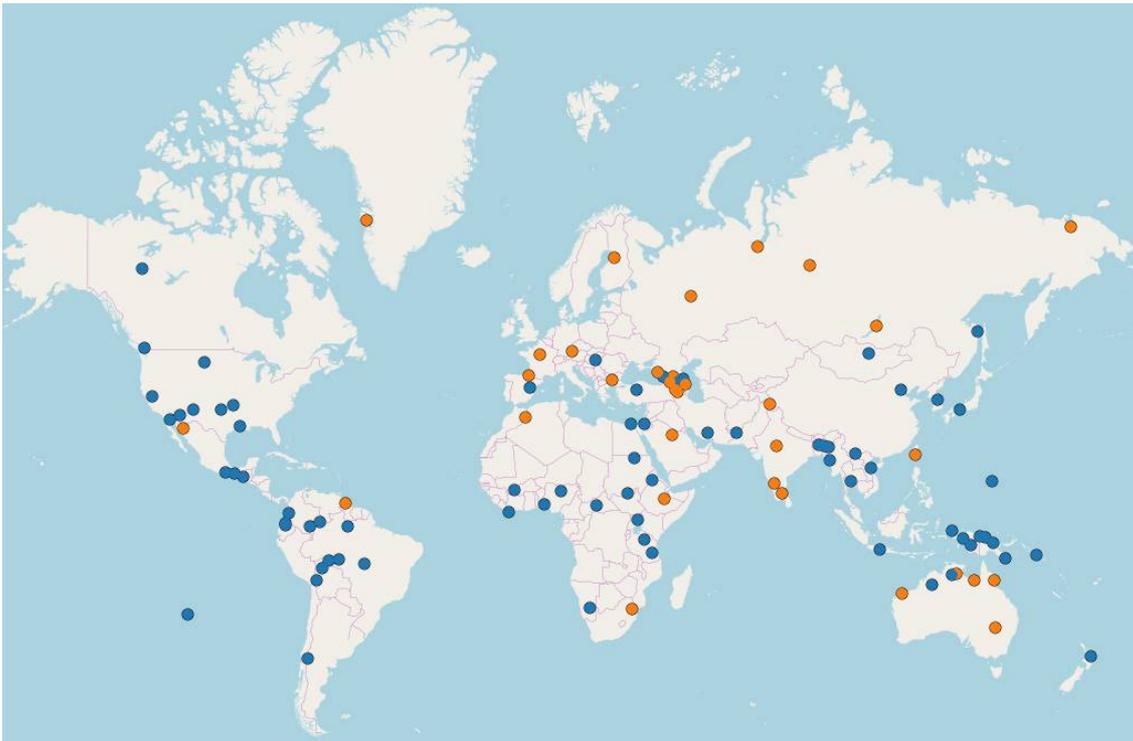

Рисунок 4.
Географическое распределение языков в выборке

3.3. Результаты

3.3.1. Универсалия 1

Универсалия 1 гласит: «Падежные показатели, оформляющие группы, не могут быть морфологическими (m-падежами).» Это означает две эквивалентные импликации: $GROUP \rightarrow \neg BEARD$ и $BEARD \rightarrow \neg GROUP$. Распределение языков по этим признакам изображено в таблице 1.

Таблица 1. Проверка универсалии 1 (первая версия)

	$\neg BEARD$	BEARD	
GROUP	56	86%	9 14%
	76%		27%
$\neg GROUP$	18	43%	24 57%
	24%		73%

Как видно из таблицы, универсалия в целом подтверждается, но для обобщения, касающегося универсальных свойств морфологических парадигм, она имеет слишком много исключений: оромо (кушитские), баск-

ский (изолят), французский (романские), каннада (дравидийские), бурушаски (изолят), адыгейский (абхазо-адыгские), крызский (лезгинские), восточноармянский (армянские), осетинский (иранские). В разделе 4.2.1 я вернусь к данной проблеме.

3.3.2. Универсалия 2

Универсалия 2 гласит: «Если по падежу вершины обязательно согласуются другие элементы именной группы, то данная падежная категория является морфологической (m-падежом).» Это соответствует двум эквивалентным импликациям: $\text{CONCORD} \rightarrow \text{BEARD}$ и $\neg \text{BEARD} \rightarrow \neg \text{CONCORD}$. Распределение языков по этим признакам изображено в таблице 2.

Таблица 2. Проверка универсалии 2 (первая версия)

	BEARD		\neg BEARD	
CONCORD	18	86%	3	14%
		55%		4%
\neg CONCORD	15	17%	71	83%
		45%		96%

Универсалия также имеет большое число исключений (их абсолютное число меньше из-за вообще небольшого числа языков с согласованием внутри ИГ): ватаман (кунвинькусские), южный сьерра-мивокский (утийские), гунзибский (цезские).

4. Уточнение результатов

4.1. Двухуровневые падежные системы

На первый взгляд, большое число исключений говорит о том, что Универсалии 1 и 2 нельзя признать достаточно надёжными. Однако в большинстве случаев исключения из Универсалии 1 объясняются тем, что мы в действительности имеем с двумя разными типами падежных категорий, сосуществующими в одной парадигме. В таких системах нашему критерию неизменно удовлетворяют только более морфологизированные категории уровня слова, неспособные к групповому маркированию и иногда вызывающие согласование на зависимых элементах. Напротив, показатели группового уровня всегда морфологически прозрачны и с согласованием не связаны.

Одним достаточно ясным примером подобного рода является язык оромо (кушитские). В этом языке падежи делятся на два класса: падежи уровня слова (word level case) и уровня группы (phrase final case) [Owens 1984: 8 et passim]. Первые контролируют согласование внутри именной группы (14) и всегда оформляют вершину, вне зависимости от позиции других зависимых (15). Вторые оформляют только крайне правый элемент составляющей (16). При этом только первый класс показателей удовлетворяет критерию Бэрда: у некоторых имён нет отдельной формы (маркированного) номинатива, некоторые маркируют номинатив изменением тона без сегментного показателя. Второй класс всегда морфологически прозрачен.

(14) word case: согласование

[*Jáars-i* *duréess-i*] *dhúfe*
 мужчина-SUBJ богатый-SUBJ пришёл
 ‘Пришёл богатый мужчина.’ [Ali, Zaborski 1990: 5]

(15) word case: маркирование вершины

[*Mán-ni* *Íbsaa*] *gúddaa*
 дом-SUBJ Ибсаа большой
 ‘Дом Ибсаа большой.’ [Ali, Zaborski 1990: 4]

(16) phrase final case: маркирование составляющей

Isaan [*ija* *hamaa-n*] *nu* *laalani*
 они глаз плохой-INS мы смотрят
 ‘Они смотрят на нас [злыми глазами].’ [Ali, Zaborski 1990: 57]

Несколько сложнее системы, где одни показатели присоединяются поверх других показателей. Наглядным примером такой системы является крызский язык (лезгинские > нахско-дагестанские). В таблице 3 представлен фрагмент словоизменительных парадигм для двух лексем: ‘деревня’ и ‘дом’ [Authier 2009: 34].

Таблица 3. Именное словоизменение в крызском

	‘деревня’	‘дом’
ABS	<i>kum</i>	<i>k’ul</i>
GEN	-----	<i>k’ul-ci</i>
ERG	<i>kum-ur</i>	<i>k’ul-ci-r</i>
DAT	<i>kum-uz</i>	<i>k’ul-ci-z</i>
INS	<i>kum-zina</i>	<i>k’ul-ci-zina</i>
	...	

Из всех крызских падежей только генитив демонстрирует синкретизм и лексическую вариативность; это видно и из таблицы: у слова ‘деревня’ генитив совпадает с абсолютивом, тогда как у слова ‘дом’ он имеет сегментный показатель *-ci*. Остальные падежи используют генитив в качестве базовой основы и имеют всегда одни и те же показатели.

На первый взгляд, такая система следует типичному «правило двух основ» [Кибрик, Кодзасов 1990], и образование вторичных падежей от генитива является чисто морфологическим фактом, не имеющим синтаксических следствий. Однако это не так. Как видно из (17), при сочинении только падеж второго уровня может быть групповым, тогда как падеж первого уровня (генитив) обязательно повторяется при каждом из конъюнктов.

- (17) [*kasib-a* *sun-ci* *fur-a* *na* *xinib-ci*]-*ğar*
 бедный-INDEF один-OBL мужчина-GEN и женщина-GEN-SUPEREL
 ‘О бедном мужчине и его жене.’ [Authier 2009: 199]

Согласование зависимых в ИГ, как видно из маркирования числительного ‘один’ в (17), в крызском также происходит только по признаку косвенности, т.е. абсолютив противопоставлен генитиву и всем остальным падежам. Таким образом, в крызском можно выделить две отдельные падежные категории:

- **падеж первого уровня:**
участвует в согласовании, не может быть групповым;
- **падеж второго уровня:**
не участвует в согласовании, может быть групповым.

В соответствии с нашим определением, в крызском всего два «настоящих» падежа: абсолютив и генитив. Остальные падежи могут быть в большей степени морфологизированы, чем в других языках, но ничем принципиально не отличаются от предлогов, послелогов или энклитических показателей, подобным тем, что распространены в индоарийских языках. Ср. словоизменительную парадигму языка хинди в таблице 4.

Таблица 4. Именное словоизменение в хинди

	‘мальчик’	‘друг’
DIR	<i>larka</i>	<i>sathi</i>
OBL	<i>lark-e</i>	
ERG	<i>lark-e = ne</i>	<i>sathi = ne</i>
DAT	<i>lark-e = ko</i>	<i>sathi = ko</i>
	...	

По своей структуре эта система полностью аналогична крызской: имеется базовая бинарная оппозиция, поверх которой присоединяются агглютинативные, полностью регулярные падежные клитики. Разница только в том, что в большинстве индоарийских языков вторичные «падежи» не имеют статус аффиксов [Butt, King 2004; Spencer 2005]. Но в нашей типологии подобные падежные клитики и вторичные падежи «крызского типа» попадают в один класс с предлогами и послелогами.

К сожалению, из-за нехватки места я не могу подробно остановиться на всех подобных случаях; достаточно сказать, что большинство исключений при подробном исследовании обнаруживают двухуровневые системы, в которых только два падежа имеют статус подлинных морфологических падежей, например:

- адыгейский (абхазо-адыгские): абсолютив *-r*, обликвус *-m*:
 - инструменталис *-č'e* и адвербиалис *-ew* присоединяются к обликвусу (*-∅ / -m*); при групповой флексии обликвус сохраняется [Ershova 2012];
- восточноармянский (армянские) [Архангельский 2012]: номинатив, «обликвус» (совпадает с номинативом у большинства имён; у части — с генитивом):
 - вторичные падежи присоединяются к косвенной основе;
 - косвенная «основа» сохраняется при сочинении;
- осетинский (иранские) [Беляев 2014; Erschler 2012]: номинатив, обликвус:
 - система аналогична армянской, но косвенные формы только в нумеративной парадигме (дигорский) и у местоимений;
- каннада (дравидийские) [Schiffman 1983]: номинатив, генитив;
- гунзибский (цезские) [van den Berg 1995]: номинатив, обликвус:
 - групповой флексии нет, согласование только по прямому / косвенному падежу.

4.2. Пересмотр данных

4.2.1. Универсалия 1

Уточнение данных о двухуровневых системах позволяет скорректировать данные для проверки импликаций. В таблице 5 представлен уточнённый вариант Универсалии 1.

Таблица 5. Проверка универсалии 1 (вторая версия)

	\neg BEARD		BEARD	
GROUP	56	95%	3	5%
	76%		9%	
\neg GROUP	18	37%	30	63%
	24%		91%	

Как видно из таблицы, надёжность универсалии заметно повысилась. Осталось всего три исключения: баскский (изолят), французский (романские), бурушаски (изолят). Кроме того, причём импликация близка к двунаправленной: у «неморфологических» систем есть тенденция к групповому маркированию.

4.2.2. Универсалия 2

Что касается универсалии 2, то она, на первый взгляд, улучшилась не сильно: удалось устранить лишь одно исключение (гунзибский), см. таблицу 6.

Таблица 6. Проверка универсалии 2 (вторая версия)

	BEARD		\neg BEARD	
CONCORD	17	89%	2	11%
	52%		3%	
\neg CONCORD	16	18%	72	82%
	48%		97%	

Однако проблема с проверкой этой универсалии состоит в том, что общее число систем с согласованием внутри ИГ весьма невелико. Поэтому даже небольшое число исключений имеет в общей статистике существенный процент. Случайная нормализация выборки, в результате которой число языков с согласованием и без согласования становится одинаковым, даёт более надёжный результат, см. таблицу 7.

Таблица 7. Проверка универсалии 2 (третья версия)

	BEARD		\neg BEARD	
CONCORD	32	97%	1	3%
	67%		6%	
\neg CONCORD	16	48%	72	52%
	33%		94%	

Хотя надёжность этой универсалии всё равно несравнима с надёжностью Универсалии 1 (из-за ограниченного числа языков с согласованием и их ареальной ограниченности), она всё же достаточно показательна и говорит о том, что развитие согласование внутри ИГ возможно только в системах с морфологическим падежом.

5. Выводы

В статье предложено типологическое определение падежа как сравнительной категории, основанное на свойствах словоизменительной парадигмы [Spencer, Otaguro 2005]. Такой подход даёт лучший результат, чем традиционный, основанный на понятиях словоформа и аффикс: надёжно предсказывается невозможность группового оформления; согласование внутри ИГ оказывается возможным только в морфологических падежных системах. Следовательно, вопреки [Haspelmath 2011], противопоставлению морфологии и синтаксиса можно придать осмысленное типологическое измерение; при этом круг собственно морфологических явлений оказывается уже, чем принято считать. Так, большинство систем именных флагов попадают в один класс с предлогами и послелогами, вне зависимости от аффиксального статуса. Возможно, аналогичный подход применим и к другим морфосинтаксическим категориям.

Существенной проблемой для настоящего исследования является недостаток данных по сочинению ИГ и падежному маркированию зависимых элементов ИГ. Кроме того, предложенное типологическое определение даёт слишком грубую оценку типа падежной флексии и не позволяет системно отличать подлинную кумуляцию от фонологически обусловленной; случайный (фонологически обусловленный) и систематический синкретизм; характер лексического варьирования форм падежных показателей. В перспективе необходимо составление более подробной базы данных по морфосинтаксису падежа, в которой рассматриваются не системы в целом, а отдельные падежные граммы. Также в перспективе возможна проверка корреляции структуры парадигмы с другими параметрами, такими как композиция падежей, двойной падеж (Suffixaufnahme) и порядок аффиксов. Для более полного учёта всего типологического разнообразия именных «флагов» необходимо также расширение выборки исследования, особенно в тех ареалах, где представлено меньше языков с морфологическим падежом.

Условные обозначения и сокращения

ABL — аблатив, отложительный падеж, ABS — абсолютив, CMPL — комплетив, DAT — дательный падеж, DIR — прямой падеж, DISTR — дистрибутив, ERG — эргатив, FOC — фокус, GEN — родительный падеж, IND — индикатив, INDEF — неопределённость, INS — творительный падеж, INTS — интенсификатор, OBJ — объектный падеж, OBL — косвенный падеж, косвенная основа, PL — множественное число, REFL — рефлексив, SG — единственное число, SUBJ — субъектный падеж, SUPEREL — суперэлатив, V — вербализатор.

Литература

- Алпатов и др. 2008 — Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. В 2-х кн. М.: Издательство «Наталис», 2008. [Alpatov V.M., Arkad'ev P.M., Podlesskaya V.I. Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka [Theoretical grammar of Japan]. In 2 vol. Moscow: Izdatel'stvo «Natalis», 2008.]
- Аркадьев 2006 — Аркадьев П.М. Типология двухпадежных систем: дис. ... канд. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. [Arkad'ev P.M. Tipologiya dvukhpadezhnykh sistem [Typology of two-case systems]. Ph.D. thesis. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2006.]
- Архангельский 2012 — Архангельский Т.А. Групповая флексия в именной сочинительной конструкции восточноармянского языка // Асатрян Г.С. (ред.). IX Международная конференция по армянскому языкознанию. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 25–29. [Arkhangel'skii T.A. The group inflexion in Eastern Armenian nominal coordinating construction. Asatryan G.S. (ed.). IX Mezhdunarodnaya konferentsiya po armyanskomu yazykoznaniiyu. Saint Petersburg.: Nestor-Istoriya, 2012. P. 25–29.]
- Беляев 2014 — Беляев О.И. Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования // Вопросы языкознания. Т. 6, 2014. С. 31–65. [Belyaev O.I. Ossetic as a language with a two-case system: suspended affixation and other paradoxes of case marking. Voprosy yazykoznaniiya. Vol. 6, 2014. P. 31–65.]
- Бурлак 2002 — Бурлак С.А. Групповая флексия и «групповая суффиксация» в тохарском А языке // Подлеская В.И. (ред.). Третья зимняя типологическая школа. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2002. С. 117–118. [Burlak S.A. Suspended affixation and suffixation in Tokharian A. Podlesskaya V.I. (ed.). Tre'tya zimnyaya tipologicheskaya shkola. Materialy lektzii i seminarov. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2002. P. 117–118.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. [Zaliznyak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie [Russian nominal inflection]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Кибрик, Кодзасов 1990 — Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Издательство МГУ, 1990. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika [A comparative study of Dagestania languages. Noun. Phonetics]. Moscow: Moscow State Univ. 1990.]
- Курицына 2017 — Курицына А.В. Групповая флексия и групповая деривация в тохарских языках. Доклад на Кельто-анатолийском семинаре, Институт языкознания РАН, 7 ноября 2017 г. [Kuritsyna A.V. Gruppovaya fleksiya i gruppovaya derivatsiya v tokharskikh yazykakh [Suspended affixation and suspended derivation in Tokharian languages]. A talk presented at the Celtic-Anatolian workshop at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 07.11.2017.]

- Мельчук 1998 — Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т.2. Морфологические значения. М.: Языки русской культуры, 1998. [Mel'chuk I.A. Kurs obshchei morfologii. T.2. Morfologicheskie znacheniya. [A course in General Morphology. Vol. 2: Morphological meanings]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1998.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V.A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [The introduction into grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011]
- Ali, Zaborski 1990 — Ali M., Zaborski A. Handbook of the Oromo language. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich — Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1990.
- Arkadiev 2009 — Arkadiev P. Poor (two-term) case systems : limits of neutralization . Malchukov A., Spencer A. (eds.). The Oxford handbook of case. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 686–699.
- Authier 2009 — Authier G. Grammaire kryz, langue caucasique d'Azerbaïdjan, dialecte d'Alik. Leuven, Paris : Peeters, 2009.
- Baerman, Brown 2013 — Baerman M., Brown D. Case syncretism. Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.). The world atlas of language structures online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.
- Baerman, Brown, Corbett 2005 — Baerman M., Brown D., Corbett G.G. The syntax-morphology interface: a study of syncretism. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Beard 1995 — Beard R. Lexeme-morpheme base morphology. Stony Brook, NY: SUNY Press, 1995.
- van den Berg 1995 — van den Berg H. A grammar of Hunzib (with texts and lexicon). Ph.D. thesis. Rijksuniversiteit te Leiden, 1995.
- Bickel, Nichols 2013 — Bickel B., Nichols J. Exponence of selected inflectional formatives. Dryer M.S., Haspelmath M. (eds.). The world atlas of language structures online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.
- Blake 2004 — Blake B.J. Case. Second edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Borgman 1990 — Borgman D. M. Sanuma. Derbyshire D.C., Pullum G.K. (eds.). Handbook of Amazonian languages. Vol. 2. Berlin: De Gruyter, 1990. P. 15–248.
- Butt, King 2004 — Butt M., King T.H. The status of case. Dayal V., Mahajan A. (eds.). Clause structure in South Asian languages. Dordrecht: Springer, 2004. P. 153–198.
- Callaghan 1987 — Callaghan C.A. Northern Sierra Miwok dictionary. Berkeley, CA: University of California Press, 1987.
- Carling 2012 — Carling G. Development of form and function in a case system with layers: Tocharian and Romani compared. Tocharian and Indo-European studies 13, 2012. P. 55–74.
- Erschler 2012 — Erschler D. Suspended affixation in Ossetic and the structure of the syntax-morphology interface. Acta Linguistica Hungarica 59 (1–2), 2012. P. 153–175.
- Ershova 2012 — Ershova K. Suspended affixation in Adyghe. Handout of talk given at Typology of Morphosyntactic Parameters 2012, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, 15 November 2012.
- Haspelmath 2009 — Haspelmath M. Terminology of case. Malchukov A., Spencer A. (eds.). The Oxford handbook of case. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 505–517.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. Language 86 (3), 2010. P. 663–687.
- Haspelmath 2011 — Haspelmath M. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. Folia Linguistica 45 (1), 2011. P. 31–80.
- Kabak 2007 — Kabak B. Turkish suspended affixation. Linguistics 45 (2), 2007. P. 311–347.
- Kachru 2006 — Kachru Y. Hindi. Amsterdam: John Benjamins, 2006.

- McGregor 1990 — McGregor W. A functional grammar of Gooniyandi. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Nedjalkov, Otaina 2013 — Nedjalkov V.P., Otaina G.A. A syntax of the Nivkh language. Amsterdam: John Benjamins, 2013.
- Otoguro 2006 — Otoguro R. Morphosyntax of case: A theoretical investigation of the concept. PhD thesis, University of Essex, 2006.
- Owens 1985 — Owens J. A grammar of Harar Oromo (Northeastern Ethiopia). Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1985.
- Salminen 1997 — Salminen T. Tundra Nenets inflection. Sebeok T., Ingemann F.J. (eds.). An eastern Chermis manual: Phonology, grammar, texts and glossary. Bloomington, IN: Indiana University Publications, 1997.
- Schiffman 1983 — Schiffman H.F. A reference grammar of spoken Kannada. Seattle: University of Washington Press, 1983.
- Spencer 2005 — Spencer A. Case in Hindi. Butt M., King T.H. (eds.). Proceedings of the LFG05 conference. Stanford, CA: CSLI Publications, 2005.
- Spencer 2008 — Spencer A. Does Hungarian have a case system? Corbett G.G., Noonan M. (eds.). Case and grammatical relations: Studies in honor of Bernard Comrie. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 35–56.
- Spencer 2009 — Spencer A. Case as a morphological phenomenon. Malchukov A., Spencer A. (eds.). The Oxford handbook of case. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Spencer, Otoguro 2005 — Spencer A., Otoguro R. Limits to case: a critical survey of the notion. Amberber M., de Hoop H. (eds.). Competition and variation in natural languages: The case for case. Amsterdam: Elsevier, 2005.
- Zwicky, Pullum 1983 — Zwicky A.M., Pullum G.K. Cliticization vs. inflection: English N'T. *Language* 59 (3), 1983. P. 502–513.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018

The article was received on 20.11.2018

Олег Игоревич Беляев

кандидат филологических наук; преподаватель, МГУ имени М. В. Ломоносова; научный сотрудник, Институт языкознания РАН; исполнитель гранта РФФИ 18-18-00462, осуществляемого в ГИРЯ им. А.С. Пушкина

Oleg I. Belyaev

Ph.D.; lecturer, Lomonosov Moscow State University; researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; performer of the RSF grant 18-18-00462, realized in Pushkin State Russian Language Institute

obelyaev@gmail.com